

ЛОВЕЦ ВРЕМЕНИ НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ

Александров Н.Н.

Люди порой натываются на истину, но большинство из них приходит в себя и спешит дальше, как будто ничего не случилось.

Приписывается У. Черчиллю.

Где начало того конца, которым кончается начало?

Момент, переживаемый нами, можно со всей ответственностью назвать, по образцу Козьмы Пруткова, “серединой начала начинающегося конца”. При этой постановке вопроса невинная шуточка директора пробирной палатки тут же оказывается моделью многослойного времени. Трехликие древние божества Индии смотрят одновременно в прошлое, настоящее и будущее. Двуликий Янус европейцев одного из времен лишен начисто. Интересно, какого? И не является ли веселый розыгрыш авторов Козьмы вовсе не веселым розыгрышем, как им представлялось, а художественным предвидением? Опережая наш сюжет, говорим: является!

Приходилось ли вам, любезный читатель, задумываться, что прошлое нельзя изменить, и в этом – его неоспоримое преимущество? Желчные наши критики называют Россию “страной с непредсказуемым прошлым” – при этом используется для каламбура свойство будущего. Будущее можно изменить. Будущее творимо. Будущее есть веер возможных альтернатив. Будущее непредсказуемо с достоверностью, но предсказуемо с вероятностью. И если из прошлого мы получаем всю материальную, грубую и зримую вещественность, то что мы получаем из будущего? И получаем ли?

Интереснее всего, что получаем. Современные теории утверждают, что есть два наследования: из прошлого и из будущего. Наследство из будущего – неплохо, верно? Только и того, что непривычно, а на деле мы постоянно говорим: этот человек слишком опередил свое время, бедняга! И в глубине души относим это и к себе самим, но только так, чтобы никто не догадался.

Это – тайный источник нашего самомнения. Ибо из будущего мы можем черпать только информацию.

Нет-нет, не знание (ибо оно по традиции рациональное), а вообще любую информацию, в том числе и иррациональную. Откуда она берется, неясно, впечатление такое, что она где-то есть всегда и приходит к нам в некоторых случаях. Туман! Где-то даже по большому счету и мистика (тс-с-с!). Короче: информация из будущего существует, как минимум, двух видов.

Посмотрим на это безобразие с позиции полезности. Полезно знать, что есть люди, живущие энергией (потенциальной, кстати) прошлого. Есть народы, живущие этой энергией, – они никуда не рвутся и очень чтят традиции и смазанный механизм своей культуры. Они не понимают: как это – нет масла? А куда оно делось, оно же всегда было! Эти народы страсть как любят рассказывать приезжим свои легенды о рыцарях и показывать Кентервильские приведения местного значения. И эдакая незыблемость, существующая у них от силы пару поколений, выдается ими за всегдашний способ их жизни. Вы легко узнаете и немцев, и австрийцев, и даже чехов – механизмы культурного воспроизводства так отлажены, что в “немецких слободах” у Петра I все точно так же, как на их родине: розочки, песочек и мытые с мылом камни мостовой. Но эдакая перекошенность в сторону прошлого и благополучия чревата некоторой мрачностью (прошлое нетерпимо к юмору и не понимает его) и тем самым “запахом тушеной капусты с сосисками”, о котором писал Гейне, – запах не выветривается, ибо он и есть бюргерство. Надо отметить, что даже русский народ время от времени начинает изобретать свой “золотой век” – каким-нибудь славянофильским манером. Но из этого ничегошеньки не проистекает, ибо русские принципиально ценят юмор выше благополучия. Это свидетельствует, что в их жилах течет другая энергия – энергия будущего.

Для полноты картины нужно несколько слов сказать о народе, живущем настоящим, о пресловутых американцах. Их социологи говорят, что у американцев тип психики – детский, и тому можно найти массу

подтверждений. Правда, дети эти весьма своеобразны. Провинциальность и даже инфантилизм – это несколько непривычная для нас черта их культуры. Вы легко можете убедиться в названных приметах, просматривая хлынувшее на нас тошнотворное количество американской кинопродукции. Но не путайте эту черту с деятельным началом: американцы архидеятельны (бизнес!) и при этом на редкость инфантильны. Вот ведь как бывает.

Я не раз думал: как же эти парни в “стетсонах” решили проблему трех времен? Они решили ее путем наименьшего сопротивления. Если любой русский при неясности сядет за книги и иными способами сам наберется знания (отсюда – столь образованное русское элитарное сообщество), американец время сэкономит: он наймет специалиста. По их терминологии, “яйцеголового”. Специалисту верят безоговорочно, ведь ему нельзя ни ошибаться, ни обманывать, иначе навсегда рухнет карьера. Интересно наблюдать, что наши недавние диссиденты, бывшие на Родине писателями, там становятся профессорами-консультантами и педагогами, хотя и пописывают по инерции.

Итак, хитрый и наивный одновременно американский прагма-ум отодвигает от себя проблематику будущего, всецело отдавая ее специалистам по информационной ловле. Нетрудно вывести, что именно там и понадобились информационные машины (хотя как идея они рождались в России гораздо раньше), облегчающие работу прагматам, но никак не философам. Дело грозит кончиться тем, что все знания своих целомудренных яйцеголовых американцы перекачают в ЭВМ планетарного масштаба и на том упокоят умников. Это почти не шутка, ибо сейчас в США активно реализуется проект информационных магистралей.

Ну а как же они поступили с проблемой прошлого? Да тоже самым прагматично-примитивным образом: они его взяли взаймы у других. Долгие годы самая передовая стройиндустрия в мире, американская, тиражировала в диковатых и безвкусных сочетаниях европейские образцы культуры. Были нелепые случаи, когда архитекторы так перегрузили пароход мраморными

колоннами, что тот перевернулся. Как и римляне, американцы до последнего времени совершенно не заботились о собственной струе культуры, предпочитая ее экспортировать по дешевке и покупать в Европе творцов. И только где-то к началу 60-х годов нашего века “американский образ жизни” становится самостоятельным “завоеванием мировой культуры”, скорее – товаром. Нанятые ранее “специалисты по культуре” из Европы (а также сбежавшие из слишком обращенной в будущее России и слишком обращенной в прошлое – Тысячелетний Рейх! – Германии) сделали свое дело – создали небывалый американский миф. Его отличие от утопии (будущее) и от антиутопии “золотого века” (прошлое) – в пребывании в настоящем. Американский миф – это миф настоящего, “здесь и сейчас”.

Но миф на то и миф: сами американцы являются такими же продуктами искусственно сконструированного мифа, как их мультики. Вы заметили, что в продукции Уолта Диснея, как и в большинстве американских фильмов последних лет все время идет лихорадочное действие. Ни остановиться (подумать, погрузить, “покалякать, покумекать, покурить”, как у нас), ни обернуться (что позади – а ничего и не было позади). Диснейленд есть... весь мир и лишь чуть-чуть Америка. Ах так, сказали американцы, и изобрели вестерн и “колониальный стиль” в дизайне. Ну и еще свою ветку “арт деко”. Малюсенькая, но уже история. Конечно, и здесь, это уж несомненно, насквозь мифологическая. Куда их салунам (200 лет) до римского Капитолия (2000 с лишком), а теперь них и свой есть. Вот почему американская культура – “здесь и сейчас”. Ее неизбежно приходится расширять в обе стороны: настоящее не диапазон для истории.

Выскажу интересное предположение. В любое время в любом сообществе (людей, наций в социальном организме) существует ровно столько, сколько надо, людей и наций живущих: кто – в прошлом, кто – в будущем, кто – в настоящем. А на Земле в целом мощно функционирует противостояние двух типов культуры: это – Восток и Запад. Раньше я был уверен, что противостоят они в тройке времен (очень соблазнительно

отождествить их с прошлым и будущим и получить “скользящее настоящее”). Но однажды я прочел у Новалиса, что драма, эпос и лирика присутствуют в любом произведении искусства. Значит, можно говорить только о доминировании. Глядя на процесс активного освоения “восточных премудростей” американцами, а американских методов работы – корейцами, я прихожу к выводу о взаимопроникновении этих начал. Будем мудры: не отвергая ничего чужого, не будем же забывать и своего. Но для начала попытаемся понять: а что же это наше – и ничье более? Попытаемся найти ответ на вопрос.

Современная мифология

В знаменитой повести 60-х годов “Понедельник начинается в субботу” братьев Стругацких их герой, весьма похожий на Шурика из “Операции Ы”, программист Привалов, отправляется в путешествие на машине времени в... описываемое будущее. В этом примечательном эпизоде блистательная ирония почти заслонила глубокую философскую идею, которая укрылась под этой иронией. Но в хорошем художественном тексте ружье обязательно стреляет: в конце эпизода магистр Ойра-Ойра бросает Привалову невзначай: что будущее, почему бы не попробовать путешествовать в *описываемое настоящее*. Вот об этом и поговорим.

Сознание человеческое устроено весьма странным образом. Многие из живущих рядом с нами мертвы для нас: они живут и дышат и даже совершают некоторые действия, но на самом деле их в нашем сознании нет. И напротив, никогда не существовавшие кино- и литературные герои оказываются “живее всех живых”. Они занимают воображение, они продолжают где-то в ирреальном мире совершать поступки, и все это непостижимо существует в нашем сознании как особая жизнь, перепутывается с реальностью и даже может заменить ее вообще. Существует такая разновидность ухода от действительности, как эстетство, когда человек окружает себя фантомами искусства и таким образом

отгораживается от грубого мира. Вспоминается итальянский фильм “Семейный портрет в интерьере”, где герой закрылся от мира картинами, статуями и книгами. При некотором достатке это несложно. У нас подобное явление нередко встречалось среди элитарной интеллигенции времен застоя. Теперь все – в прошлом. А может быть, напротив: в скором будущем.

Итак, в сознании нашем живут не только отображения живых людей, даже не столько эти отображения, сколько наши представления об этих живых людях. “Гляжу в тебя, как в зеркало” – это оставим для песенки: никакой зеркальности нет, есть некое таинственное Зазеркалье. Проникнув туда, мы были бы весьма удивлены, если бы увидели, кто вместо нас существует в сознании окружающих. Это не мы, как мы о себе думаем, это ужасно не похожие на нас мифы о нас, реальных. Поневоле задумаешься: а есть ли вообще реальность, если мы в нашем сознании являем собой тоже миф, но особого рода? Каждый из нас гораздо больше состоит из мнения о себе других людей, чем из мнения о себе себя самого. И только литературные герои относительно неизменны, в них константная составляющая на порядок больше, чем в живых людях. Это их свойство и делает художественные образы устойчивыми ментальными знаками.

Мифическое – реальнее реальности. Например, история: существует мнение, что всякая история – это миф. Фраза о России как о “стране с непредсказуемым прошлым” фиксирует мифологичность истории вообще. Внушительные исторические фолианты прошлого века можно подержать в руках: у них и вес, и оформление направлены на убедительность мифа Ключевского или Соловьева. Но на поверку оказывается, что у этих двух очень солидных авторов вообще две разные истории России. Как так, восклицает большинство, ведь есть же факты! Увы, большинство из фактов истории суть мифы.

Мировая история – великая мистификация, как доказывал на рубеже веков Н. Морозов, опубликовавший для доказательства этой мысли 8 томов из 12 написанных. По крайней мере, до тринадцатого века история – это

вообще “terra incognita”, утверждает в наше время его продолжатель А. Фоменко, математик из МГУ. После появления летописей мы читаем не объективную историю, а историю глазами того или иного летописца. Но пока эти летописцы жили в одиночестве в своих кельях, им и присниться не могло, что фальсификация истории может стать специальной отраслью идеологической промышленности. По публикациям последних восьми лет мы убедились, что даже документально отснятая на киноплёнку и сфотографированная история СССР есть миф, а то, что мы о ней читаем сегодня, есть, вероятно, просто другой миф. И получается, что “факт подобен налимму”: он ускользает из рук. Исследования показаний очевидцев в психологии доказывают, что люди, глядя на одно и то же, видят разное. В зависимости от того, чем напичкано их сознание. Таково уж свойство сознания, что оно не может жить без своего мифа. Ведь интересно же смотреть по телевизору, как носители мифа сталинских времен разбивают носы носителям нового демократического мифа. “Обе вы хороши”, – говорила Маргарита двум небезызвестным кухаркам.

Жизнь в оболочке мифа

Миф делает человека не обязательно агрессивным, но обязательно действующим. Миф удерживает целостность внутреннего мира человека. Есть постоянно повторяющаяся история о двух братьях, один из которых стал, например, ярым римлянином, а второй – ярым христианином: оба сражались за свою правоту до победного конца, как наши белые – с нашими красными. Правых и виноватых в истории нет, ведь каждым владел свой миф. Довольно жутко осознавать, что по большей части не человек выбирает себе цели, а цели выбирают человека. Еще более жутко осознание этой навязчивой обязательности власти мифа над человеком. Сознание не разваливается только в том случае, если оно ограничено некими пределами. Как говорил великий экспериментатор Вс. Мейерхольд, художник сам устанавливает себе границы, ибо работа без границ есть хаос.

Поставим вопрос иначе, никто ведь не сомневается в необходимости границ. Вопрос лишь в том, что само существование границ нужно периодически подвергать сомнению, менять свои парадигмы в сознании. По мнению А. Субетто, есть два типа людей: тип людей со статической психикой (ни за что и никогда не подвергающий сомнению правильность своих исходных постулатов) и тип людей с динамичной психикой (в течение жизни периодически меняющий систему взглядов на мир). Первые – консерваторы, вторые – креаторы, то есть творцы. Одни несут прошлое (постверты), другие – будущее (футурверты), и те и другие нужны обществу, весь вопрос – в преобладании их в количественном плане или доминировании. Стареющие общества консервативны (“старая добрая Англия”), становящиеся – динамичны (“Время, вперед!”), все меняют.

Исторические примеры подтверждают, что динамичной психикой обладали самые продуктивные гении человечества. Но динамика динамике рознь: пустая жажда деятельности разрывает платоновских героев – и они роют Котлован. Динамичность, господа, может иметь и вполне идиотические оттенки, как в большевизме и фашизме (в явлениях динамичных и деятельных). Но мы – о другой динамичности, мы – о творцах, которых большевики и фашисты люто ненавидели за излишнюю сложность: им хотелось поскорее, пояснее и попроще. И – в дело! Я с ужасом замечаю, что наши теперешние начальники все так же любят “народного академика Лысенко” и иже с ним. Вообще-то, если что и погубит истинную культуру, то это мимикрия, имитации. У них есть отличительное свойство: они больше похожи на оригинал, чем сам оригинал, но стоят дешевле и усилий требуют меньше.

Конечно же, снять свои границы очень сложно, и нужно понять, зачем их снимать. Снять нужно, чтобы осмотреться и задать некоторые вопросы о смысле жизни. Хотя бы себе самому. Такая операция присуща русскому менталитету: это – рефлексия, она подобна выходу в открытый космос без скафандра и для подавляющего большинства представителей человечества

просто лишена смысла. Зачем, если и так вроде бы все ясно? Мы все понимаем, говорят эти люди. Конечно, из погреба – оно виднее. Попытки вытаскивать людей, как улиток из их раковин, – занятие опасное и для первой, и для второй стороны.

Как-то Андрей Тарковский ездил с лекциями по Америке, и его поразило обращение к нему какого-то простого американца, кажется водителя, – “гуру”. Да нет, я режиссер, начал тот, но осекся. Он вдруг понял, что не сможет объяснить этому человеку, что для русской культуры рефлексия столь же привычна, как для американской – свойство ни в чем не сомневаться. Но вот, если прижмет историческая ситуация и никак не получится отсидеться внутри своего мифа, тогда что он будет делать? Большинство из нас сегодня упускает свой исторический шанс, заменяя старый миф на новый. Так получается политика.

Классы и страты

Почти забытые отделы агитации и пропаганды! Как хорошо вы делали свою работу при всем том, что у подавляющего большинства кадровых партработников не было ни одной собственной идеи ни по поводу агитации, ни по поводу пропаганды. Работала отлаженная и самовоспроизводящаяся машина, но как-то забарахлила и остановилась. Существует в социологии примитивная точка зрения, что общество есть конгломерат самовоспроизводящихся “машин”. Я предпочитаю подход, известный как “организменный”: общество живет, чувствует и даже иногда способно думать – нами. Это только у конструкторов социализма или фашизма оно может рассматриваться как механизм, а люди – как его винтики или, еще хуже, навоз истории.

Бывают уникальные моменты в истории, когда некоторые группы со своими целями конструируют и запускают новую социальную машину. Например, одновременно машину тоталитарного оболванивания масс разрабатывали в СССР и в фашистской коалиции (Германия, Италия, Япония), но она проработала недолго по многим причинам. Самая главная из

всех причин – игнорирование сложности самого человека и его самоценности. Еще Достоевский в “Бесах” писал о социалистах: все-то вы хорошо и рационально продумали, вот только одного не учли – природы человеческой. Но это – сложные материи, конструкторам недоступные, они всегда “гвозди бы делать из этих людей” желали.

У тех первых конструкторов и инженеров человеческих душ были ошибки простые, чисто технические. Нечто, рассчитанное на всех поголовно, поглощает слишком много совокупной человеческой энергии. Американцы извлекли из этого урок и свою машину “промывания мозгов” устроили не по принципу радиостанции, а по принципу кабельного телевидения: оболванивать будем не всех сразу, а по группам. Эти группы сначала надо было создать и сделать отграниченными друг от друга, что является самой главной проблемой (границы – как в голове человека, так и в условной “голове” группы). Карл Маркс в XIX веке уловил начало этого процесса, выдвинув учение о классах в истории, а русский эмигрант в Америке Питирим Сорокин зафиксировал и тем самым изобрел процесс дробления общества на более мелкие группы – на “страты” – уже в XX веке. Хотел он того или нет, но он заложил основания для глобального американского проекта стратификации общества – разделения его на группы, слои, своеобразные новые касты. Американская идеологическая элита спроектировала и оформила эти страты и начала их обслуживать.

Страта как бы уменьшенный класс, из страты в страту можно даже перемещаться (это не касты), если соблюдать правила игры. Но внутри себя страта являет оболочку для коллективного сознания, с очень жесткими границами. Это даже оформляется соответственно: члену страты нужно узнавать “своих” сразу и отличать от чужаков. У каждой страты – свой “стратный” миф. Естественно, для члена страты он самый правильный миф на свете. Описывая все это, я вдруг понял, чем мне так противны бытовые американские фильмы, бесконечные, как жвачка, заполонившие все наши экраны: в этих фильмах нам упорно преподносится пустой, как мыльный

пузырь, миф о страте счастливого “среднего американца”. Теперь мы знаем о нем все: как он рождается, как учится, как бесконечно развлекается, пьет, ест и ходит в туалет и кое-что другое. Уверяю вас, этот образ настолько отвратителен для русского менталитета, что можно вспомнить (пусть не самый лучший) военных времен рассказ Платонова о плакатах, которыми гитлеровские оккупанты хотели соблазнить простого русского крестьянина: там изображался сытый германский крестьянин-бюргер, рассматривающий солидные золотые часы на цепочке в окружении немецкой роскоши того времени. Хотите жить так же? – спрашивал плакат. Почему-то неблагодарные русские отвечали вилами.

Признак развитости общества, с одной стороны, – в количестве страт и в свободе перемещения из страты в страту. Признак развитости общества, с другой стороны, – в сложности связей, которыми опутывается человек в обществе. Как-то по телевидению показали документальный репортаж о семье американских фермеров: сам фермер – член десятка обществ и кооперативов, его жена – тоже, но по своему женскому направлению, их дети завязаны в свою немислимую паутину связей. В отличие от слащавых фильмов, неприятный репортаж мне понравился своей откровенностью: у этих людей вообще нет свободного времени – оно жестко расписано. Свободные люди в самой свободной в мире стране живут в самом несвободном из возможных режимов жизни. Это и есть цена их “свободы”, где все зависят от всех. Вот потому-то и производительность у них в тридцать раз выше.

А чего жаждем мы, с нашей внутренней русской свободой? По американским меркам, мы жаждем быть вольными бездельниками. Поскольку, с их точки зрения, иной, чем у них, свободы нет. Прислушиваясь к себе, обнаруживаю, что, кажется, я знаю, в чем дело, и это написано у Маркса: *свободное время есть пространство для развития личности*. У них в фильмах люди все время отдыхают, при этом, наверное, кто-то работает, но у них – отдыхают. Поразительно бездарно отдыхают – купаются, пьют и

волочатся за кем попало. Это не наша ценность, хотя у нас таких тоже стало навалом. Время как пространство для развития – наша ценность, недоступная, боюсь, больше никому в мире. Это – ценность быть творцом. Василий Аксенов как-то пожаловался, что на Западе у него возникли трудности лишь с одним видом мебели – с книжными полками, там смутно понимают, зачем они нужны. И книги, и, соответственно, полки. Другое дело – кровати.

На последней конференции по применению компьютеров в образовании был приведен жуткий пример: по опросам социологов, самой ценной вещью для американского школьника является высококачественный модем. Появилась генерация детей, которые общаются не друг с другом, а с компьютером и посредством компьютеров друг с другом. Один из школьников признался, что в этом общении он выступает с шестью разными именами и возрастами, причем в свои 9 лет он назначает “компьютерные свидания” с женщинами за 30. В одном из образов он прикидывается глубоким стариком. Это лишь один пример возникновения в жестко регламентированном сообществе особой мифической реальности, которая становится для людей более реальной, чем окружающие живые люди, деревья и камни. В компьютерном мире вам доступны любые книги, тексты, изображения, фильмы или музыкальные произведения. Компьютерные сети, переходящие в магистрали, постепенно опутывают планету и создают базу для совершенно новой мифологической действительности – виртуальной реальности. Происходит незримый уход нового поколения в мифический мир, который по своим последствиям можно сравнить разве что только с уходом детей в повести “Гадкие лебеди” все тех же братьев Стругацких. Но является ли этот уход наконец-то обретенной свободой человека, или перед нами – очередная чудовищная имитация?

Вряд ли у американского фермера и его семьи есть время думать. Нет времени думать и у компьютерных детей. В этом отлаженном обществе думают другие. Когда сеять, что выгоднее сеять, кому продать и за сколько,

они знают все до мелочей. В теперешней исторической ситуации множества альтернатив развития бывших советских людей весьма часто одолевает тоска по армии, где все за тебя решали. У старшего поколения – тоска по сталинизму, где тоже все было, как в казарме. Сталин за нас думает – это же так удобно для пустого сознания! Снимается ответственность за выбор. Думать самому – значит выбирать. Что еще это значит? Выходить в открытый космос без скафандра. Неподготовленный и незащищенный человек мгновенно гибнет.

Есть такой исторический анекдот. Однажды Резерфорд застал вечером аспиранта в лаборатории и спросил его: что он здесь делает? Аспирант ответил, явно рассчитывая на похвалу: "Я работаю". – "А днем?" – "И днем работаю", – ответил аспирант, гордый собой. – "А ночью?" – "Часто и ночью работаю!" – И тогда раздраженный Резерфорд спросил: "Простите, а когда же вы думаете?"

Из фильма о Штирлице нам известен простенький закон психологии: запоминаются первая и последняя фраза разговора. Итак, очень хочется, чтобы в вашем сознании, читатель, крутилась и периодически всплывала эта замечательная фраза Резерфорда:

“Простите, а когда же вы думаете?”.